

**ВАСИЛИЙ
АВЕНАРИУС**

СКАЗКА О
ПЧЕЛЕ
МОХНАТКЕ

Василий Петрович Авенариус

Сказка о пчеле Мохнатке

Аннотация

«В саду – пчельник, в пчельнике – ульи, в ульях – соты, в сотах – ячейки, в ячейках – или мед, или крошечные белые яички; а в яичках? – В яичках пчелиная детва, будущие пчелы. Лежат они там, как в колыбельке, тепло и мягко, спят там крепко-крепко, не шелохнутся. Но вот очнулась одна малютка, зашевелилась; скорлупка яичная вокруг нее лопнула, распалась...»

Содержание

I. О том, как Мохнатка на свет божий вышла	4
II. О том, что увидела Мохнатка в улье	7
III. О том, как Мохнатка в сборщицы попала	10
IV. О том, как роился улей	14
V. О том, как Мохнатке конец пришел	17

Василий Авенариус

Сказка о пчеле Мохнатке

I. О том, как Мохнатка на свет божий вышла

В саду – пчельник, в пчельнике – ульи, в ульях – соты, в сотах – ячейки, в ячейках – или мед, или крошечные белые яички; а в яичках? – В яичках пчелиная детва, будущие пчелы. Лежат они там, как в колыбельке, тепло и мягко, спят там крепко-крепко, не шелохнутся. Но вот очнулась одна малютка, зашевелилась; скорлупка яичная вокруг нее лопнула, распалась. И что же там? – Там была не настоящая еще пчела, а личинка, маленький белый червячок с кольчатым телом и роговой головкой. Только высунулась личинка из колыбельки – взрослая пчела-няня уж тут как тут: нажевала нежной медовой жижи и капают хоботком в рот личинке. Глодает личинка и растет, и крепнет. Прошла неделя – и пора ей куколкой стать, окуклиться. Выпустила она из нижней губы паутинку и давай обвивать вокруг себя. Глядь – совсем завернулась, что в одеяльце, и не видать вовсе.

– Ишь ты, плутовка! В кокон завернулась, баиньки опять захотелось? – сказала пчела-няня. – Ну, ладно, спи на здо-

ровье; да чтобы никто не мешал, пожалуй, еще сверху крышечкой накроем.

Взяла она воск да и замазала ячейку. И спит куколка под восковой крышечкой; спят рядом в других ячейках другие куколки, которых их няни такими же крышечками накрыли.

Проходит еще неделя, проходит другая. Вдруг – стук-стук! Кто там стучится, кто скребется? – Это первая куколка после долгого сна первая же проснулась и вон хочет. Только она теперь уже не куколка, а настоящая пчела стала, с глазами и хоботком, с ножками и крыльями. Прокусила кусальцами крышку над собою, просунула вверх передние ножки, уперлась задними в дно ячейки – и выползла вон.

– А, здравствуй, милая! Как спала? – сказала ей пчела-няня. – Да какая же ты мохнатая! Ну, значит, так тебе и быть Мохнаткой.

А маленькая пчела была немногим разве мохнатее других; мы, люди, пожалуй, ее от других бы и не отличили; но пчелы друг друга сейчас же узнают. Так за молодой пчелкой имя Мохнатка навсегда и осталось.

Первым делом пчела-няня ее по-своему, по-пчелиному, обмыла и причесала, то есть попросту облизала и обдернула кругом; потом повела к медовому горшку и накормила золотистым медом. Когда же Мохнатка накушалась всласть, и все тельце ее, и ножки, и крылья оттого окрепли, – пчела-няня вывела ее к выходу улья, на леток. Солнце так ярко брызнуло в глаза Мохнатке, что она с непривычки зажмурилась. Но

потом, как пригляделась, даже пискнула от радости. Первый раз в жизни видела она и славную зелень кругом, и вверху чистое голубое небо. И было ей так тепло на солнышке, и в воздухе от деревьев и трав пахло таким сладким духом...

– Ишь, разнежилась! – сказала пчела-няня. – Что, небось, хорошо на свете-то Божьем, а?

– Чудно!.. Ай, да кто же это?

Мохнатка страшно испугалась. Мимо шла какая-то двуногая громада. Пчела-няня весело рассмеялась.

– Кого испугалась! – сказала она. – Да ведь это наш лучший друг: хозяин наш, старик-пчеляк. Он и улей-то нам построил, он и на зиму нас, пчел, от холода в погреб укроет. Правда, к осени немножко обидит: выкурит из улья дымом да добрую половину сот себе вырежет. Но надо же и ему чем-нибудь поживиться: он трудится для нас, мы для него. Его-то что бояться! Но есть у нас, пчел, много настоящих врагов... Поживешь – узнаешь; теперь же пока надо тебе еще свой дом родной узнать. Пойдем, покажу.

И повела она Мохнатку по улью.

II. О том, что увидела Мохнатка в улье

Чего-чего не нагляделась Мохнатка в улье! Улей ведь все равно, что город: кругом деревянные стенки улья – городская стена; внутри точно улица за улицей, домик у домика – ячейка у ячейки, все шестигранные и все из чистого воска. Только внутри ячеек не одно и то же: в середине улья, где потеплее, – детская с колыбельками и детвой; по сторонам же до самой крыши – магазины да кладовые с собранным медом. А уж народу-то, народу пчелиного везде сколько толчется – и не проберешься! В детской над колыбельками ходят взад и вперед пчелы-няни, кормят-холят молодую детву. В нижнем, еще недостроенном квартале работают пчелы-плотники. Наедятся досыта меду и цветня, влезут под потолок улья и, схватив друг друга за ножки, висят целыми гирляндами головой вниз. Провисит пчела сутки – пропотеет, да не по́том, а чистым, прозрачным воском, который тонкими листочками садится у них на брюшке. Пропотеет пчела хорошенько – и бежит к недостроенному соту, отцепит лапкой с живота восковый листочек, сунет в рот, пережует в комочек и прилепит, куда нужно. Прибежит за нею другая пчела-плотник, прибежит третья, десятая, сотая, делают то же; и растет ячейка за ячейкой, и все на один лад, одна как

другая. Вот так мастерицы! И без архитектора выстроят себе дом на славу!

Меж тем другие пчелы, сборщицы, побывали уже в поле на цветках, за провизией, и наполняют пустые ячейки сладким медом; а плотники тут же их запечатывают воском, чтобы дорогие запасы не скисли. Куда ни оглянись – работа так и кипит. Мохнатке даже стыдно стало.

– Все-то трудятся; я одна без дела... – сказала она.

– Поспеешь;-утешила ее пчела-няня. – Впрочем, есть у нас и белоручки, трутнями называются. Иди-ка за мной. Только, чур, тише; народ-то они важный, спесивый, шутить не любят.

Они повернули в новый квартал с пустыми еще ячейками для будущей детвы. Не прошли они, однако, и пяти шагов, как попалась им навстречу кучка трутней, длиннокрылых, толстопузых, и один пресердито, густым басом, напустился на них:

– Вы куда? Чего вам здесь нужно?

Не только Мохнатка, даже пчела-няня как будто слегка оробела.

– Да мы только так... – сказала она. – Нельзя ли нам, сударь, хоть глазком одним на матушку-царицу взглянуть?

– Нельзя! – решительно и строго прожужжал трутень.

– Сделайте, ваше сиятельство, такую милость...

– Сказано: нельзя! Царица-матка теперь делом занята: яйца кладет. Шутка сказать: тысячи две яиц в день! Чего сто-

ите? Пошли вон!

Няня вздохнула и дернула Мохнатку за крыло.

– Нечего делать, – сказала она, – пойдем!

На их счастье царица-матка покончила только что со своим трудным делом: отложила две тысячи яиц да еще десятков в придачу. Из бокового переулка раздался чудно-звонкий голос; трутни засуетились и загудели хором: «Ура!» В ту же минуту выплыла из переулка сама царица-матка. У Мохнатки даже дыханье сперло. Царица была вдвое больше ростом против рабочих пчел; но в то же время она была стройна необычайно и царственно величава. Она милостиво кивнула няне и Мохнатке и скрылась во внутренних покоях.

– Уж подлинно царица! – сказала в восхищении няня. – На нее хоть с утра до вечера работай – не устанешь.

– Ах, да! – сказала Мохнатка, которая только теперь пришла в себя. – Но что же я буду делать?

– Работа найдется, – сказала пчела-няня. – В поле летать тебе, дитя мое, еще рано. Но вот деток кормить или соты строить тебе под силу. Выбирай, что лучше хочешь?

– Деточек кормить! Ведь это все равно, что в куклы играть?

И пошли они вместе в детскую, и стала Мохнатка скоро няней – не хуже своей собственной няни.

III. О том, как Мохнатка в сборщицы попала

Прошло уже несколько дней, а Мохнатка так прилежно ходила в детской за молодой детвой, что ни разу даже на лёток прогуляться не вышла.

– Ты этак совсем изморишься, – сказала ей ее прежняя няня. – Пойди погуляй, да и крылышки, кстати, испробуй.

– Да я же не умею еще летать? – сказала Мохнатка.

– Попытка не пытка; научиться же надо.

– А если упаду?

– Так встанешь; да и не упадешь.

Мохнатка вышла на леток и замахала крыльями. Сама не зная как, она вдруг поднялась на воздух. «Ай, упаду!» Да нет, ничего, крылышки держат; только страшно как-то. В это время ее окликнула старая пчела-сборщица, пролетавшая мимо.

– Ишь ты, медвежонок лохматый! – сказала старая пчела. – Что ты тут делаешь?

– Гуляю, – отвечала Мохнатка.

– Гуляешь? Скажите, пожалуйста! Когда другие сестры из сил выбиваются, она гулять изволит, такая крепкая, здоровая, да еще с таким славным густым мехом, к которому всякая цветочная пылинка сама собой пристанет! Ай, ай! Да те-

бе на роду написано сборщицей быть. Так и быть, возьму тебя в науку. Лети за мной, живо, живо!

Хоть старая пчела как будто и бранилась, но она похвалила густой мех Мохнатки и даже взялась учить ее: значит, та все же понравилась-таки ей. А уж сама-то обрадовалась Мохнатка – и сказать нельзя. Чином вдруг повисилась – в сборщицы попала!

Старая пчела полетела вперед так скоро, что Мохнатка чуть вслед попевала. Но вот они прилетели на сенокосный луг, на котором цвели всевозможные цветочки: лиловые и алые, желтые и белые.

– Стой! Прилетели! – прожужжала старая пчела, села на душистый цветок и вползла в венчик цветка. Мохнатка – за нею. – Вот тут на дне мед, видишь ли? – сказала старая пчела. – Лижи язычком; только, чур, – не глотай, а в зоб собирай. Вот так, смотри.

И, слизнув капельку меда, она передними лапками ее в зобик себе толкнула. Мохнатка сделала то же.

– Молодцом! – похвалила ее старая пчела. – Но надо нам и простого хлеба – цветня – с собой захватить. Чтобы лучше приставал, вымажемся.

И, взяв остаток меда, она вымазала им задние лапки сперва себе, а потом и Мохнатке.

– Ты хоть и мохната, – сказала она, – а к меду все лучше пристанет. Ну, полезай за мной, да делай опять то же, что я.

Она вылезла из венчика к желтым пыльникам цветка и

стала продираться между ними. При этом она так ловко стряхивала с пыльников передними лапками цветень на задние лапки, вымазанные медом, что всякая пылинка пристаивала к ним. Мохнатка делала то же. Вдруг как взглянула она на старую пчелу, как оглядела себя – так и покатила со смеху: обе они были точно в желтых бархатных штанишках!

– Разве не красиво? – сказала старая пчела. – Да долетишь ли ты дó дому в таких толстых панталонах?

– Долечу! – сказала Мохнатка. – И полетела. Тяжело-таки было ей с непривычки, тяжеленько; да ничего, долетела до родного улья.

Только спустилась на лёток, как накиннулись на нее отдылавшие тут же няни и плотники и давай сдирать и пожирать ее нарядные бархатные штанишки.

– Караул! Грабят! – запищала Мохнатка. – Все мои штанишки съедят!

– Ничего, пускай их: проголодались, – сказала старая пчела. – Теперь ли наедятся, после ли – все равно. Ну, будет с вас, обжоры, отвяжитесь! Пойдем теперь, дитя мое, мед сбыть.

И, пройдя в ближнюю кладовую, они выпустили весь собранный ими мед в стоявшие там еще пустые восковые горшки.

Так вот Мохнатка сборщицей стала. Трудна была ее работа, правда; но зато как славно было и отдыхать после дела! Под вечер, пошабашив, она с другими работницами гуляла

на лётке, как на бульваре; ходят они и покачиваются, и потряхиваются, и жужжат без умолку, и не могут нажужжаться обо всем, что видели день-деньской на белом свете.

IV. О том, как роился улей

Каждый день клала матушка-царица по тысяче, по две яиц, и из всех одна за одной выползали молодые пчелки. Тесно стало вдруг всем им в одном улье: надо было разделить-ся на две семьи, на два роя, надо было отроиться. И вот в одном углу улья раздалось робкое кваканье: «Ква-ква-ква!» В ответ с другого конца пронеслось сердитое тюканье: «Тю-тю-тю!» Все пчелы бросили работу, заметались, замешались; весь улей затрубил, загудел. Но сквозь этот шум и гам явственно слышалось по-прежнему с одного конца кваканье, с другого – тюканье. Что ж это было такое? А вот что. Квакала из своей колыбельки молодая, вновь народившаяся матка: хотелось ей выйти оттуда и не смела она носу показать; тюкала же старая матка: очень уж ей досадно было, что молоденькая царевна ее место занять хочет: вместе две матки в одном улье ведь никак не уживутся; которой-нибудь надо уйти.

– Пустите меня к ней, пустите! – тюкала вне себя старая матка. – Вот я ее проучу!

Но трутни и рабочие пчелы загородили ей дорогу.

– Ради Бога, ваше величество, не троньте, пожалейте ее! Кому-нибудь да надо же уступить; а кто умней – уступает.

– И то правда, – сказала старая царица. – Кто за меня, тот за мной!

И она стрелой вылетела из улья. Но крылья у пчелиных маток не столько для летания, сколько для красы – коротенькие. Пролетела царица несколько шагов – и устала; присела отдохнуть на ближнем дереве. А пчелы, что постарше, все кинулись за нею, облепили ветку вокруг царицы. Скоро уж и места не стало: пчела садилась на пчелу, и скучились они так в целую черную бороду, от которой ветку к земле пригнуло; вот-вот обломится... Но ей не дали обломиться. Кто же не дал? – А пчеляк, седой добрый старичок, которого Мохнатка в первый раз так испугалась. Сидел он неподалеку под своим шалашом; когда же пчелы зароились, он проворно накинул на голову проволочную сетку, на руки надел рукавицы, за пазуху сунул деревянную ложку – черпак, взял в охапку один из пустых ульев, что стояли у него тут же наготове, и пошел к месту роя. Поставив улей под самым роем, он еще ниже пригнул ветку и черпаком стал огребать пчел, как дёготь или патоку какую. Неохотно шли пчелы с черпака в новый улей: матки-царицы еще не было там. Но пчеляк привычным взглядом скоро высмотрел ее среди мелких рабочих пчел.

– А, вот ты где, сударыня! – сказал он, бережно сгреб ее черпаком и подставил к лётку.

Царица, задыхаясь в густом клубе пчел, рада-радехонька шмыгнула в улей. Увидев это, и другие пчелы живо туда же полезли; черпнул еще пчеляк раз и два – и весь рой был в улье. Тогда пчеляк перенес улей на более удобное место, где было просторнее и больше солнца.

– Бог помощь! – сказал он и перекрестился.

А Мохнатка? – Мохнатка, вылетев в общем рое за царицей, попала в тот же улей вместе с другими пчелами. Прошлась она теперь взад и вперед по новому дому. Ай, как пусто, как неуютно! Ни улиц, ни кладовых, ни одного даже горшочка с медом. Ну что же делать! Надо работать, работать и работать, чтобы в новом доме стало так же мило, как в старом. Точно чудом в сказке волшебной и новый пустой улей наполнился скоро сотами, а соты – душистым, золотистым медом. А в чем было все чудо? В том, что все работали одинаково прилежно, одинаково дружно. Все чудо было в пчелином законе: «Все за одного, один за всех».

V. О том, как Мохнатке конец пришел

Хорошо и согласно живут пчелы, в век не поспорятся, не подерутся: тишь да гладь, да Божья благодать. Беда только, что много у них врагов: которую воробей или ласточка на лету проглотит, которая к пауку в паутину попадет – а там поминай, как звали! Которую разбойница-оса по дороге заколет да и скушает тут же. Правда, и у пчел есть жало, да опасно им сражаться: не выдернешь жала – и помирай! Пчела без жала и дня не проживет. Зато, конечно, если уж на родной улей воры-грабители нападут, так тут некогда думать о себе: хоть на месте помри – лишь бы улей спасти: «Все за одного, один за всех». А этих воров-грабителей куда как много, и не перечешь: то вороватая пчела из чужого улья, то хитрец-муравей тихомолком проберется; ну их-то и без жала, кусальцами, так искусаешь, что ой-ой! Никогда не буду! – Но хуже других два зверя-врага: один небольшой – мышка, другой большущий – Мишка. Мышка забирается больше зимою, в погреб, куда ставит пчеляк на зиму ульи; Мишка же нападает во всякую пору, хоть редко, да метко. Затем он ведь и Мишка медведь, что очень уж лаком мед ведать.

В одно утро Мохнатка, возвращаясь домой со взятком, еще издали услышала что-то небывалое: весь пчельник гудел

и жужжал, будто взбунтовался, а сквозь пчелиный гул раздавалось страшное звериное рычание. Подлетела ближе – и на лету остановилась. Изо всех ульев кругом пчелы повысыпали сотнями, тысячами, и, не то в страхе, не то в злобе смертной, метались над пчельником взад да вперед. От крику-рёва их в воздухе стон стоял. Одно только и можно было разобрать: «Мишка-медведь! Мишка-медведь!» А сам Мишка, громадный, косматый, ворча и рыча, шагал меж ульев на задних лапах, передними насилу отбиваясь от пчел. Вдруг, точно опомнясь, он круто повернул к ближнему улью, – а улей-то был как раз родной улей Мохнатки, – и повалил его наземь. Крышка с улья скатилась, и пчелы, остававшиеся еще там, тучей взвились кверху. Медведь же, закрывшись от пчел одной лапой, другой полез прямо в улей, в медовую кладовую, да хапнул самый сочный, золотистый сот. Мохнатка от обиды света не взвидела, не могла уже стерпеть.

– Все за одного, один за всех! – вскрикнула она и бросилась на страшного зверя да ужалила его больно-пребольно в самый глаз. Медведь так и взвыл от боли и побежал вон без оглядки. Подоспевший в это время пчеляк поднял опять с земли улей и поставил его на место.

Но бедная Мохнатка! Она вонзила в глаз медведю жало так глубоко, что оно там и засело. Бедняжка вдруг совсем ослабла, свалилась наземь, забилась в траву да незаметно навек заснула. Но, умирая, не жалела ли она о том, что для спасенья улья себя погубила? – Нет, не жалела: она еще в по-

следний раз чуть слышно прожужжала: «Все за одного, один за всех...».